

Ф. Б. Успенский

**НЕОБЫЧНАЯ ЭПИТАФИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ
(К ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАДПИСИ ИЗ FYRVU)**

...stainawarijaRfahido...
«...Стайнаварияз, (я) выписал...»*

В этой работе мне хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности одной поминальной рунической надписи, начертанной в XI в. на камне высотой в человеческий рост в шведской области Сёдерманланд. Приведу ее текст полностью: «Я знаю, что братья Хастейн и Хольмстейн, самые сведущие в рунах во [всем] Мидгарде <= в мире? – Ф. У.>, поставили камень и [нанесли] множество рун по Фрейстейну, своему отцу»¹

Эта стихотворная эпитафия, высеченная младшими рунами, с одной стороны, чрезвычайно похожа на множество поминальных рунических надписей того времени, однако, с другой стороны, отличается от них одной весьма существенной деталью. Прежде чем перейти к рассмотрению этого отличия, необходимо сделать ряд самых общих и предварительных замечаний, затрагивающих некоторые аспекты прагматики рунических текстов².

Древнейшее руническое письмо германцев, так называемый старший фугарк (II–VIII в. н. э.), обладало весьма специфическими коммуникативными характеристиками³. Можно сказать, что очень часто, имея дело со старшеруническими надписями, мы сталкиваемся, по существу, не со стремлением передать определенную информацию от одного человека к другому, а с попыткой установления контакта между человеком и тем, что к миру людей не принадлежит. Порой несоотнесенность надписи с адресатом-человеком обозначается

* Фрагмент надписи, выполненной старшими рунами на камне из Ro (Северный Бохуслэн), V в. См. [Krause: № 56]; [Макаев: 105, № 73]. Имя Stainawarijaz трактуется как «Житель Камня».

¹ iak uait : hastain : ?a : hulmstain : bry?r : menr : rynasta : a : mi?kar?i : setu : stain : auk : stafa : marga eftiR fraustain fa?ur sin = Ek veit Hastein, // ?a Holmstein br?? r // menn rynasta // a Mi?gar?i; // settu stein // ok stafi marga // eptir Freystein, // fo?ur sinn. См. [SR III: 42–43, № 56]; [von Friesen 1916: 24]; [von Friesen 1928: 61]; ср. [Olsen 1932].

² В более полном виде наши наблюдения представлены в: [Успенский].

³ Об отсутствии прямых коммуникативных функций у древнейших рунических надписей пишет О. А. Смирницкая, см. подробнее: [Смирницкая].

вполне ярко и зримо даже не только на уровне текста, а на уровне, так сказать, его материального воплощения. Рунологам хорошо известны случаи, когда камень закапывался таким образом, чтобы вырезанная на нем надпись оказывалась в земле знаками вниз, совершенно скрытой от постороннего взгляда. Погребальный камень с надписью мог иногда помещаться внутри погребения, где он был недоступен взору живых людей⁴.

Замечательно при этом, что основным назначением части старшерунических надписей явно было не только установление контакта с потусторонним миром, но и сохранение собственной целостности, нерушимости. Бывает так, что значительную часть достаточно короткого рунического текста составляет формула, призванная обеспечить сохранность этого текста, иногда же эта идея сохранности имплицитным образом включена в другие формульные элементы надписи. Может сложиться впечатление, что одна из главных функций таких рун, а следовательно и главная задача их автора, заключалась в том, чтобы быть, существовать, оставаться неповрежденными, неподверженными порче.

Примечательным образом, иногда лучше всего сохраняется и поддается дешифровке именно та часть надписи, которая и должна была обеспечить эту сохранность рун. Так, например, знаменитая надпись из Stentofen (VII в.) располагается на разных сторонах камня; одна из надписей читается плохо и смысл ее достаточно темен⁵, тогда как другая представляет собой, как известно, следующий текст: «Я спрятал здесь могучие руны. Да будет (тот) во власти беспокойства и беспутства, кто это разрушит»⁶. Сходную формулу мы обнаруживаем и на одной из сторон другого рунического камня (Bjorketorp,

⁴ Ср., например, камень из Elgesem, Норвегия (VI в.) [Krause: 446–447, № 12]; ср. [Feist: 247].

⁵ Возможно, она содержит упоминание о неких жителях / поселенцах и «гостях» / иноземцах Ниухи (?), которым Хадувульф дал урожайный год (см. [Lindquist: 111–118]; [Krause: 512–518, № 51]; [Макаев: 77–79, 106, № 86]; ср. [Kock]; [Duwel 1983]). В относительно недавнее время было предложено совершенно иное прочтение этого фрагмента надписи, согласно которому речь в нем идет о девяти козлах и девяти жеребцах, которых Хадувульф принес в жертву, дабы обеспечить урожайный год (см. [Santesson: 221–228]; благодарю Е. А. Мельникову за указание на эту работу). Другие интерпретации начальной части надписи на камне из Stentofen см. в: [von Friesen 1916: 41]; [Lindroth]; [Brate 1919]; [Kock]; [Antonsen 1980: 4]; [Gronvik].

⁶ **erAginoronoR herAmAlAsAR ArAgeu welAdudsA?atbAriuti?** [Макаев: 106]; **...hideRrunonofelAhekAhederAginoronoR herAmAlAsARArAgeuwelAdudsA?Atbariuti?** (= h(A)ideR-rūnō (ro)no felAh-ekA hederA gino-rūnōR her-AmAlA(u)sAR ArAgeu (ūti eR ?) wēlAd(A)ud(s?) sA ?at bAriuti?) [Krause: 515].

VII в.), возможно связанного с камнем из Stentofte и принадлежащего к так называемой Блекингской группе памятников: «Я спрятал здесь могучие руны. Да будет тот во власти беспокойства и беспутства, да погибнет тот коварной смертью, кто это разрушит»⁷. Текст, вырезанный на другой стороне, относительно краток, а его адресат весьма непрозрачен для современного исследователя – «Зловещее предзнаменование»⁸.

Мы далеко не всегда можем определить, к кому собственно была обращена та часть надписи, которая не содержит защитной, апотропеической формулы, и какого рода магическое воздействие она предполагала. При этом чрезвычайно отчетливо проступает стремление автора защитительной надписи обозначить в ней собственное присутствие. Важнейшим элементом такого рода текста оказывается имя собственное, однако очень часто запечатлением имени как такового дело не ограничивается – оно оказывается включенным в конструкции с личным местоимением ек «я»⁹.

Появление такого «я» особенно существенно в надписях, относящихся к старшерунической эпохе, хотя здесь оно появляется во все не в каждом тексте. Подобная значимость отдельного элемента проистекает из особого лаконизма, присущего собственно старшеруническим надписям: заключенное в них содержание отнюдь не беднее (а в чем-то и значительно богаче) того, что манифестируется в более поздних текстах, например, в так называемых надписях переходного периода. Однако выражено оно, по-видимому, максимально концентрированным образом, с помощью, так сказать, минималистского на-

⁷ **haidR runoronufAlAhAkhAider AginArunAR ArAgeuhAerAmAlAusRutiAR welAdAudesar?AtbArutR** (= haidRrūnō ronū falhk hādra, ginrūnaR ārgiū hermlausR, ūti eR wēldaude, sã'R ?at brytR [Krause: 508–512, № 50]; [Макаев: 100–101, № 9].

⁸ **u?ArAbAsbA** (= ū?arba-spo) [Krause: 508–512, № 50]; [Макаев: 101, № 9]. Ср. также убедительное прочтение Э. Антонсена весьма плохо сохранившейся надписи на камне из Vetteland: (I) **...flagdafaikinaz ist** (II) **...magoz minas staina** (III) **...daz faihido** “...is subject to deceitful attack (he who destroys) my son's stone. (I), ...daz painted (it)” [Antonsen 1980: 10–11]. Ср. [Krause: 543–545, № 57]; [Marstrander: 13–42]; [Макаев: 108, № 106].

Об апотропеических формулах в рунических надписях см. также: [Jacobsen 1935]; [Nielsen: 47–48]; [Host: 87].

⁹ Иногда даже это личное местоимение как бы дублируется, «я» появляется дважды. Такое удвоенное «я» есть, например, в надписи на предмете в той или иной степени сакральном, на амулете из Lindholm'a (первая половина VI в.): «Я, эриль, Савилагаз, зовусь я» **ekerilaRsawilagaRhateka...** (= ek erilaR sawilagaR (sa wilagaR?) ha(i)teka) [Krause: 479–481, № 38]; [Макаев: 104, № 51].

бора средств. Появление здесь местоимения «я» (ek), которое при наличии имени собственного и/или соответствующей личной глагольной формы в этом минималистском пространстве выглядит в определенном смысле избыточным, не может остаться незамеченным.

Между тем в старшерунических надписях и надписях переходного периода употребление личных конструкций не ограничивается защитительными формулами. Манифестировать собственное присутствие может составитель рунического текста любого содержания или изготовитель того или иного предмета. Существенно при этом, что в подобного рода личных конструкциях возможно, но отнюдь не обязательно указание имени автора. В дополнение к предыдущим приведем еще один пример безымянной надписи из Noleby (конец VI–VII в.): «Я нарисовал руны, происходящие от высших сил...»¹⁰, и, соответственно, надписи содержащие имена: «Иутингаз. Я, Вакраз, могу писать (руны)» (Reistad, VI в.)¹¹ или «Я, Хлевагастиз из рода Холтиев, рог сотворил» (Gallehus, V в.)¹².

Последняя из приведенных надписей лицом к лицу сталкивает нас с проблемой, давно интересующей исследователей, занимающихся руническими текстами. Кто скрывается за местоимением «я» или именем собственным в такого рода надписях – заказчик рун или их резчик? Не исключено, разумеется, что в каких-то случаях они совпадают в одном лице, однако необходимо помнить и о том, что, судя по поздним данным, резчики рун, подобно кузнецам и ремесленникам, скорее всего могли быть своего рода профессионалами, и человек, владеющий этим искусством, изготавливал рунические надписи, так сказать, на заказ, не только для себя. Столкновение двух личных имен в надписи из Рейстада заставляет лишний раз обратить внимание на такую возможность и задуматься о своеобразной проблеме авторства рунических текстов. Соответственно, мы не можем знать наверняка, кто был Хлевагастиз, столь развернуто именуемый себя на роге из Gallehus'a: тот, кто сделал этот покрытый резьбой и снабженный рунической надписью рог собственными руками, или тот, кто его заказал¹³?

¹⁰ runofahiraginakudotojeka... [Krause: 518–521, № 52]; ср. [Макаев: 104, № 60].

¹¹ iu?ingaR ekwakraR : unnam wraita [Krause: 545–547, № 58]; [Макаев: 105, № 71].

¹² ekhlewagastiR holtijaR horna tawido [Krause: 506–507, № 76]; ср. [Макаев: 102, № 29].

¹³ См. подробнее обсуждение этой проблемы: [Feist: 246–249]; [Jacobsen 1940: 63–69]; [Moltke 1936: 250–259]; [Moltke 1947: 336–342]; [B?ksted: 49–57]; ср. [Gronvik], с указанием дополнительной литературы.

В определенном смысле ситуация с «авторством», которую мы наблюдаем в надписях, выполненных более поздними, так называемыми младшими рунами (условно, конец VIII – начало XIII в.), устроена в чем-то несколько проще. В некоторых младшерунических текстах роли заказчика и исполнителя уже напрямую разведены, во многих случаях мы твердо знаем из самого текста, кто велел поставить надпись и кто высек руны. Кроме того, мы располагаем достоверными свидетельствами о профессиональных резчиках рун (таких, например, как шведский резчик Эпир, живший в XI в.), и при этом до нас дошли образчики надписей, выполненных для совершенно различных людей на протяжении достаточно долгого времени.

Существенно, вместе с тем, что из самих младшерунических формул практически исчезает личное местоимение первого лица. И заказчик, и исполнитель младшерунических надписей в большинстве случаев говорят о себе в 3-м лице: «Хольмфаст, Хродельв... велели высечь руны по... и по Ингифасту, своим сыновьям. Они были востоке. А Эпир высек»¹⁴ (Sodertalje, вторая половина XI в.); «Торстейн выбил [руны] на камне по Эринмунду, своему сыну, и по Гейрбьёрну, своему отцу» (Veda, XI в.)¹⁵; «Ингирунн, дочь Хёрда, велела высечь руны по себе самой. Она собирается ехать на восток и далее в Иерусалим. Фог высек руны» (Staket, вторая половина XI в.)¹⁶. При этом если резчик иногда (очень редко) все же именуется в 1-м лице, то на заказчика «правило 3-го лица» распространено еще куда более жестко: **a--itr auk kar uk kiti auk [l]isi auk tiarfr ris[tu] stain ?ena aftir kunlaif fo?ur sin is u[a]s nustr m[i]? ikuari tribin ku? hialbi ot ?aira al-ikraistik runar is kuni ual knari stura** «Андветт и Кар и кити и Блэси, и Дьярв поставили камень по Гуннлейву, своему отцу, он был убит на востоке с Ингваром. Бог да поможет их душам. Я, Альрик, начертал руны. Он мог хорошо вести корабль»¹⁷.

Порой заказчик и исполнитель надписи совпадали, причем это могло оговариваться особым образом, и оба создателя надписи, каждый раз упоминались в 3-м лице (Slabro, первая половина XI в.)¹⁸:

¹⁴ hulmfastr ro?elfr...u [ri]sta run[a] a-... ikifast suni sina iR uaRu huastr in ybir risti [SR III: 284–286]; [Мельникова: 308].

¹⁵ ?urstain hiak a hili iftiR erinmunt sun sin auk iftiR kaiRbiarn fa?ur sin. См. [SR VI: № 360].

¹⁶ **iskirun har?iR totiR lit risti runiR ati sik sialfan** <sic! Указательное местоимение sjalfr ошибочно употреблено в винительном падеже мужского, а не женского рода. – Ф. У.> **hn uil austr fara auk ut til iursala fair risti runiR** (см. [SR VIII: 4–10]; [Мельникова: 332–334]).

¹⁷ См. [SR VIII: 112–116, № 654]; ср. [Мельникова: 322].

¹⁸ **kaiRfastr aistfari rais?u stain ?ansi eftiR fr ayst[ain fa?ur] sin auk atr uakn**

«Гейрфаст, Эстфари установили этот камень по Фрейстейну, своему отцу, и по Вагну, своему брату. Братья сделали руны»; «Бьёрн велел установить камень по... он умер на востоке в Греции. Бьёрн выбил»¹⁹ (Noling, первая половина XI в.)²⁰.

Первое лицо, преобладавшее в старшерунических надписях, явным образом выветривается из надписей младшерунических, исключение составляет лишь определенная группа текстов, где по-прежнему звучит голос, именующий себя в первом лице. Однако речь идет не о традиционных поминальных надписях и не о фиксации голоса их создателей. Формы первого лица мы встречаем в изобилии в надписях на предметах, где сама вещь – будь то рукоятка оружия или какой-то другой бытовой предмет – повествует о своем создателе. Подобная надпись подразумевает, по-видимому, что мастер не только придал форму материалу. В понятие завершенности, сделанности вещи вкладывается и то, что он в некотором смысле одушевил ее, снабдил ее голосом. В эпоху викингов, наряду с владельческой надписью, складывается традиционная формула «меня сделал имярек», которая могла варьироваться, трансформироваться и расширяться различными способами.

Не исключено, что тексты подобного рода сохранились и от эпохи старшего фугарка, хотя здесь многое зависит от правильности дешифровки соответствующей надписи²¹. Однако именно во младше-

bru?ur sin bru?r uinu rniR (см. [SR III: 34–35]; [Мельникова: 309–310]).

¹⁹ **biurn lit risa stin if[tir ... han uar? tu?]r austr i kirikum biurn hik** [Jansson: 19–20]; [Мельникова: 308]. В данном случае не исключено, впрочем, что речь идет о тезках, заказчике и исполнителе.

²⁰ Речь, тем не менее, не идет о полном, тотальном исчезновении местоимения «я» (ek) из всего корпуса поминальных надписей, выполненных младшими рунами. Так, по-видимому, личное местоимение + имя собственное присутствует в подписи рунического мастера на камне середины XI в. из Varpsund'a ([SR VIII: 112–116]; ср. [Мельникова: 322–323]), кроме того, отдельные случаи появления ek в младшерунических надписях X–XI в. мы рассмотрим ниже. Для нас существенно, однако, что исключений, т. е. употреблений «я» в поминальных надписях, очень мало, они извлечены из не всегда вполне надежно читаемых текстов, и эти крайне немногочисленные примеры в принципе могут быть оспорены.

²¹ Согласно мнению некоторых авторитетных рунологов (С. Бутге, В. Краузе и др.), такая формула, произнесенная как бы от лица предмета, представлена на фибуле (Etelhem, V / VI в.), найденной на о. Готланд: «меня Мерила изготовил» **mkmrlawrta** (= m[i]k m[ē]r[i]la w[o]rta). См. [Bugge: 150]; [Krause: 611, № 85]. Впрочем, против такого прочтения надписи выступил Э. Мольтке, причем автор специально подчеркивал, что интересующая нас формула совершенно нетипична для старшерунических надписей [Moltke 1936: 257–258]. Чтение С. Бутге и В. Краузе не принял и Э. Антонсен. Иссле-

руническую эпоху такого рода надписи на предметах представлены в большом изобилии. Так, на крестильной купели в датской церкви написано «Мартин меня сделал»²², а на ящике из Pjedsted'a «[Г]уни кузнец сделал меня»²³, надпись на плите из Bregninge гласит «мастер Бу сделал меня»²⁴, надпись на одной из двух колонн на хуторе Sigravjs (Vamlingbo, о. Готланд) «Олав su?r сделал нас»²⁵. Иногда, вполне в духе младшерунической традиции, в надписи различаются владелец и изготовитель предмета. Так, известна нортумбрийская пряжка, содержащая интересующую нас формулу: «Гудрид меня изготовил(а), Эльхфрит мною владеет»²⁶. Для нас существенно, однако, что и о том, и о другом повествует самый объект, вещь.

Со временем такие надписи могут делаться все более пространными и расчлененными. На железной полосе церковной двери из Rauland'a (Telemark, Норвегия) есть надпись, датируемая 1325 г. «Хаки сын Бьёрна владеет мною, Свейн сын Осмунда выковал меня, Осольв вырезал меня и закрыл (замкнул) в среду после дня [святого] Олава в шестой год правления нашего досточтимого государя Магнуса конунга Норвегии»²⁷.

Разумеется, подобного рода формулы, составленные от лица вещи, не являются ни в коей мере принадлежностью исключительно скандинавской культуры. Латинские образцы таких надписей (me fecit NN) распространены в Средние века исключительно широко. Традиция этих надписей восходит ко временам Античности, и потому весьма вероятно, что в Скандинавии они были не автохтонным, а заимствованным явлением. Собственно, на факт заимствования опосредованным образом указывают случаи, когда такого рода надписи вырезались младшими рунами, но при этом сама фраза была латинской: «меня сделал магистер Якоб»²⁸ «меня сделал Николаус»²⁹ или «Олав

дователь относил надпись на этой фибуле к группе старшерунических текстов, где воспроизводится формула **ek erilaR** «Я, эриль (= рунический мастер?)...» [Antonsen 1968: 630–631] (о слове **erilaR** и восьми старшерунических надписях, где оно появляется, см. подробнее: [Elqvist: 123–135]; [Макаев: 37–53]; [Duwel 1992: 61–62]; ср. также [Hultgard: 715–737]).

²² **marten mik giar?e** (см. [DR: № 320, 322, 326, 327, 332]).

²³ **[g]uni smi? gar? m? k** (см. [DR: № 38]).

²⁴ **m? st? r bo gyor?? mk** (см. [DR: № 184]).

²⁵ **olafr : su?r giar?i us**. См. [Gotl.: № 8]; ср. [Melfors: 67].

²⁶ **Gudr[i]d mec worh[t]e, ?lchfrith mec a[h]**. См. [Stephens: 386]; ср. [Bugge: 150].

²⁷ **hake beanar sun a mik su?n osmu(n)dar sun slo mik osofar r?st mik auk l?iste o?esndhen nesta eptir olafs foku a seta are rikes fas fir?ulhs h?ra mahnusar norihs konohs**. См. [Olsen 1933: 106–107].

²⁸ **magister iakobus me fecit** (см. [DR: № 179]).

²⁹ **me fecit niko(l)aus** (см. [DR: № 162]).

мною владеет»³⁰. Однако почва, на которую попадает это заимствование, оказывается весьма подготовленной и благодатной. Строго говоря, даже запись иноязычного текста рунами уже свидетельствует о значительной его адаптации на местной почве. Однако очень скоро латинская формула начинает переводиться на скандинавские языки, как это можно видеть хотя бы из приведенных несколько ранее примеров.

В этом отношении весьма характерна надпись на колоколе в Boeslunde (Дания), наглядно демонстрирующая, как происходил контакт латинской и скандинавской культурных традиций и как укоренялась в Скандинавии интересующая нас формула. Начало самой рунической надписи выглядит следующим образом: «Брат (**frater**) Токи... изготовил меня»³¹. Латинское, монашеское *frater* соседствует здесь с собственно скандинавской фразой. Существенно, что во второй части надписи сообщается, что другой монах, брат (*frater*) Ингимар, сделал надпись на колоколе. Таким образом, создатель вещи эксплицитно отделяется здесь от создателя надписи.

Не менее интересно в этом отношении достаточно поздняя и не так хорошо сохранившаяся готландская погребальная надпись с вкраплением латинского текста: «Якоб [велел] сделать камень. *Bedjen edraboner* за душу Рудвиса (?) ... благословен да будешь ты в женах ... высек меня»³². По всей вероятности, изначально здесь фигурировали и заказчик камня (Якоб), и изготовитель самих рун, чье имя утратилось.

Следует вообще заметить, что голос вещи может свидетельствовать не только об авторе – надписи такого рода составляют целую обширную категорию. Вещь может называть своего владельца или вступать с ним и с миром в коммуникацию другого типа. Традиция таких надписей весьма живуча и зачастую легко переходит из одной культуры в другую. И сегодня на улицах городов можно видеть надпись на грязной машине ПОМОЙ МЕНЯ, представляющую собой не что иное, как прямую речь объекта. В традициях же Средневековья подобные надписи могли разрастаться в небольшой, но вполне развернутый текст, и с изделий, так сказать, культурно-ремесленных переноситься в культуру книжную³³.

³⁰ **olauus m? pos[sidet]** См. [Gustavson 1980: 194–195]. Еще примеры см. [Мельникова: 23].

³¹ **frater toco... kori mik** (см. [DR: № 234]).

³² **iakoub ar : ... kiara : s tain : --bi?in : bynir : i?rar : fyrir : sealu : ... ?uiar : k... : ...f i : kaira : s-asl- : ...n... ... fb ... tecum : bibidikta : in mu[leribus] sk risti mik**. См. [Gotl.: № 13]; [Мельникова: 23].

³³ Известны случаи, когда именно книга или рукописный кодекс как бы обретает отдельный голос и сообщает о своем творце или владельце. В добавление к разбираемому в работе [Успенский: 117–119] древнеанглийскому

Есть и более очевидные, хотя и несколько более поздние примеры, когда изготовление надписи приравнивается к ремесленному акту изготовления вещи, и надпись как бы обретает свой собственный голос – «Никулас написал меня», «Петер Свале меня написал», «Каупи написал меня»³⁴. Нельзя не обратить внимание, что коммуникативная прагматика такого текста в каком-то смысле свернута в кольцо или замкнута на себе. На первый взгляд, может показаться, что единственная задача такой надписи – сообщение о присутствии автора в мире, и в этом смысле она родственна надписи, вырезанной на садовой скамейке или на отвесной скале «Здесь был Вася». С другой стороны, однако у приведенных нами рунических текстов такого типа есть и другая задача, вполне традиционная для всей скандинавской культуры Средневековья, а именно – сообщить, что обладатель указанного в надписи имени владеет рунической техникой. С точки зрения именно этой функции, практически не существует разницы между старшерунической надписью «Я, Вакраз, могу писать», надписью середины XII – XIII вв., выполненной младшими рунами на камне из Tose (Норвегия) «Аслак сделал меня. Я начертал руны [и] разобрал (прочитал) рунические знаки»³⁵ и младшеруническим текстом XV в. «Петер Аукарсарве. Он меня написал»³⁶.

Не останавливаясь подробно на многих лингвистических тонкостях, которые можно извлечь из этих формул (например, на своеобразии их перформативности или на роли личных местоимений, сталкивающихся в пределах одного микротекста), упомяну еще один, очень эффектный случай многоголосицы рунического текста. На крестильной купели из Смоланда (конец XIII в.) содержится надпись

«Пастырскому попечению» короля Альфреда, где авторство перевода заявлено от лица рукописи, приведем еще один пример, имеющий отношение уже к собственно скандинавской традиции. Один из самых богато украшенных древнеисландских манускриптов – рукопись «Книги с Плоского Острова» (Flateyjarbók) – в начале раздела «Как заселялась Норвегия» содержит в миниатюру с изображением человека, держащего книгу, на которой начертано «Йон Хаконарсон владеет мною» *ion hak[onarson] aa mik*. При этом тот факт, что заказчиком и владельцем рукописи является богатый исландец Йон Хаконарсон, так сказать, более обычным образом отмечается и в самом начале «Книги с Плоского Острова», в кратком предисловии писца, священника Магнуса Торхальссона: «Этой книгой владеет Йон сын Хакона» *?essa bok aa Jonn Hakonar sun* [Flat. I: 1].

³⁴ *Nikulas skraif mik* или *kaupi : skrifa?i mik*. См. [Gotl.: № 381]; ср. [Melfors: 69].

³⁵ *aslacar ger?e mik runar ek rist auk ra? na sta ue ue sici*, см. [NL?R II: 501, Anm. 3]; [Olsen 1933: 104].

³⁶ *betar aukar sarfa han skr-if mik*. См. [Gotl.: № 55].

«Аринбьёрн сделал меня, Видкунн священник написал меня и здесь я буду стоять некоторое время».

Кто здесь говорит, к кому относятся эти личные формы? Запечатлен ли здесь только голос купели, или то крестильной купели, то самой надписи? «Здесь я буду стоять некоторое время» – эта фраза почти наверняка принадлежит купели, «меня сделал Аринбьёрн», как кажется, тоже исходит от нее, а вот интерпретация фразы «Видкунн священник написал меня» зависит во многом от контекстной семантики глагола *skrifa* «написал». Если мы переведем его именно как «написал», то более или менее ясно, что это произносит сама надпись. Если же мы допускаем, что он здесь употреблен в значении «подписал», и эта фраза, а следовательно и весь текст в целом говорится от лица купели. Принимая в расчет многочисленные дошедшие до нас рунические формулы «меня написал имярек», в которых, как правило, задействован глагол *skrifa*, я бы скорее склонялся к мысли, что здесь, перебивая друг друга, говорят и купель и надпись³⁷.

Прежде чем вернуться в эпоху XI века и перейти к анализу памятника из Сёдерманланда, упомянутого в начале работы, подведу некие предварительные итоги. Мы попытались обозначить круг проблем, связанных с манифестацией «авторства» в старше- и младшерунических надписях. В частности, было отмечено, что сама коммуникативная ситуация, которая этими надписями задается, имеет довольно нетривиальный характер. В иных случаях в старшерунических надписях адресат, т. е. тот, на кого направлено коммуникативное послание, это не человек, а некто или нечто, лежащее за пределами мира живых людей. При этом природа старшерунического текста такова, что мы не всегда можем определить и функцию или роль того, кто скрывается за местоимением «я» и именем собственным. Это, судя по всему, человек, но кто он – заказчик, мастер рун или покойник, лежащий под камнем – порой установить невозможно. В младших же рунах распределение функций между людьми, упомянутыми

³⁷ Этот диалог тем более интересен, что у нас есть примеры, когда создатель предмета эксплицитным образом отделен от создателя надписи или, напротив, подчеркивается тождество создателя надписи и всего объекта в целом. Ср., с одной стороны, надпись на могильной плите в церкви Grotlingbo (о. Готланд): **botair maisteri : kiar?i : stain : oli hiak r:unir ?isar : ?esun : buais** «Ботэйр сделал камень. Оли, незаконный сын Ботэйра, высек эти руны» [Gotl.: № 36]; ср. [Melfors: 67] и, с другой стороны, надпись, выполненную на одном из камней в церкви Faro (о. Готланд): **botu[lfr : sum : kirkiu : bygdi : h]an kir?i : mik** «Ботульв, который построил церковь, он сделал меня» [Gotl.: № 334]; [Save: № 1]; ср. [Melfors: 64].

в тексте, как правило, выражены куда более эксплицитно. С другой стороны, среди младшерунических надписей мы обнаруживаем целую группу поминальных текстов, где адресант, т. е. тот, кто говорит, тот, от чьего лица как бы произносится текст, – это опять-таки не человек, а самая вещь, предмет, на котором выполнена надпись, или, в конце концов, надпись как таковая.

Укажу еще один важный для нас параметр. В тех младшерунических надписях, которые выполнены не на вещах, а на поминальных камнях (а именно такие тексты зачастую представляют главный интерес для исследователей), как правило, не встречается личных местоимений первого лица³⁸. Иными словами, тот, кто высекает руны, и тот, кто их заказывает, по преимуществу не говорят о себе «я поставил камень» или «я начертал руны» даже в том случае, когда ситуация почти предельным образом направлена на их собственную личность. Очень показательна в этом отношении уже приводившаяся надпись XI в. из Стэкет, где сказано, что «Ингирунн, дочь Хёрда, велела высечь руны по себе самой. Она собирается ехать на восток и далее в Иерусалим. Фот высек руны».

Иными словами, перед нами явно некий очень интересный культурный сдвиг между старшерунической и младшерунической эпохой, на фоне которого шведская надпись первой половины XI в. из Fugby в Сёдерманланде стоит совершенно особняком. Она, как мы помним, несомненно, принадлежит к числу поминальных: «Я знаю, что братья Хастейн и Хольмстейн, самые сведущие в рунах во [всем] Мидгарде, поставили камень и [нанесли] множество рун по Фрейстейну, своему отцу». Вопреки всему изложенному выше об эпитафиях, выполненных младшими рунами, здесь появляется местоимение первого лица, да еще и в довольно необычной конструкции – «я знаю», как будто бы без какого бы то ни было личного имени знающего. Как и в старшерунических текстах, в данном случае предоставляется некий простор для догадок, кто же скрывается за этим «я»³⁹.

³⁸ Оговоримся попутно, что в старших рунах «я» в поминальной надписи вполне возможно, как, например: «Я, Хагустадаз, похоронил моего сына» (надпись из Kjølevig).

³⁹ Если опираться на структуру текста куда более современных граффити, можно было бы, конечно, допустить, что перед нами своеобразный перевернутый, обратный перформатив, вроде того, что встречается на школьных тетрадках: «кто писал не знаю, а я, дурак, читаю». В таком случае «я» обретает свой денотат (всякий раз новый) непосредственно в момент прочтения, поскольку «я» – это и есть сам читатель. Впрочем, хотелось бы оговориться, что примеров такого рода обратного перформатива на средневековой скандинавской почве мы не знаем.

Оборот «я знаю...» никак нельзя рассматривать в качестве своеобразной рамочной конструкции, слабо нагруженной семантически – он нестандартен, совсем нетипичен для младшерунических надписей, а потому не мог восприниматься как нейтральный, неинформативный, фоновый элемент текста⁴⁰.

Естественным образом, необычность нашей надписи привлекала внимание рунологов и заставляла искать альтернативные способы ее прочтения. Так, в частности, была предложена версия, при которой знающим оказывался Хастейн, а вся надпись могла бы быть интерпретирована как «Я, Хастейн, знаю Хольмстейна и его братьев, которые, самые сведущие в рунах во [всем] Мидгарде, поставили камень и [нанесли] множество рун по Фрейстейну, своему отцу». Данное прочтение требовало определенных натяжек, допустимых, впрочем, в поэтическом тексте, каковым и является эта надпись. Зато предложивший ее Отто фон Фризен сделал весьма важное наблюдение: что Хастейн значит, в сущности, «высокий камень», т. е. тот объект, на котором высекались руны⁴¹.

При таком прочтении интересующая нас надпись сближается с тем типом текстов, где вещи от первого лица говорят о своих создателях или владельцах. В подобной трактовке вполне оправданно употребление местоимения первого лица, ведь «я» говорит о себе не заказчик и не резчик, а сам объект, что вполне традиционно и приемлемо для определенной группы младшерунических надписей.

Итак, мы хотели бы предложить первый тезис, как кажется, облегчающий понимание этой необычной надписи. Высказывание «Я знаю» или «Я, Хастейн, знаю...» (пока для нас эта дилемма непринципиальна) принадлежит самому поминальному камню, произносится как бы от лица камня. В таком случае снимается одна из странностей всей коммуникативной ситуации в целом. В самом деле, если тот, кто говорит, «я знаю» – человек, заказчик или исполнитель данной надпи-

⁴⁰ В сущности, мы можем привести еще только один пример употребления конструкции «я знаю...» на поминальном камне. Однако она появляется не в начале, а в конце надписи: **rakna raisti stain ?ansi at suin buta sit auk sifa auk raknburk at sit fa?ur ku? hialbi at hats uit iak ?et uar suit uestr mi? ku?i** [SR III: S. 10, № 14]; [Brate 1922: 123] «Рагна воздвигла этот камень по Свейну, своему мужу, и Сива и Рагнборг по своему отцу. Господь да поможет его душе. Знаю я, Свейн был на западе с Кнудом». В данном случае существует, как кажется, возможность соотнести местоимение «я» (ek) с неким конкретным лицом, Рагной. Впрочем, возможность эта далеко не единственная. Любопытно также, что эта надпись находится в церкви в в Gasinge, в той же области Сёдерманланд, что и Fyrbu.

⁴¹ См. [von Friesen 1916: 24]; [von Friesen 1928: 61].

си, то непонятна его дистанцированность от ситуации: он только осведомлен о том, что поминальные руны нанесены другими людьми. Если же знание принадлежит камню, а руны высекли братья, то интересующее нас высказывание оказывается куда более осмысленным⁴².

Допустив, что за «я» скрывается не кто иной, как сам камень, попробуем решить, было ли у него имя. Любопытно, что наблюдение Отто фон Фризена, увидевшего в слове *Хастейн* – имя камня, вызвало возражение других исследователей, в частности, Магнуса Ульсена⁴³. Возражения эти основаны в целом на том, что имена, фигурирующие на камне из Fugbu, – *Хольмстейн* и *Фрейстейн* – принадлежали, скорее всего, мужчинами из одной семьи, так как эти имена содержат один и тот же элемент *stein*. Имя *Хастейн* же прекрасно вписывается в эту модель имянаречения, когда родовые имена двух братьев, в данном случае, *Хольмстейна* и *Хастейна*, воспроизводят одну их основ имени отца – *Фрейстейн*. В таком контексте варьирования родовых имен несколько неожиданным может показаться утверждение, что один из носителей этих имен – Хольмстейн – действительно сын своего отца, тогда как другой – не более чем придорожный валун, относительно правильной округлой формы.

Таким образом, мы склоняемся к выводу, что имена *Хастейн* и *Хольмстейн*, не только перекликающиеся между собой морфологически, но и аллитерирующие друг с другом, принадлежат все же двум братьям, высекшим руны по своему отцу, и надпись все же следует читать «Я [= камень] знаю, что братья Хастейн и Хольмстейн, самые сведущие в рунах во [всем] Мидгарде, поставили камень и [нанесли] множество рун по Фрейстейну, своему отцу».

⁴² В качестве ближайшей аналогии, поддерживающей нашу гипотезу, можно было бы предложить надпись на знаменитом камне с хутора Alstad (Норвегия, первая треть XI в.): *iurun rais[tu] s[t]ain ?ina af[t]ir au-aun- is [h]ana –[t]i auk fur?i af hrikariki u[t]an urulb aui- auk [m]unta stain ----ir ?usi*. Л. Якобсен предложила следующее прочтение: *Jorunn r?sti st?in ?ena ?ftir Ol-arni es hana hendi auk for?i af Hringariki utan, or Vei a Olvasta?i Ogmunda steinn m?lir ?onsi* «Йорунн установила этот камень по Ольарну, который взял ее в жены и привез из Ринггеррики с запада, из Ве, в Ольвстад. Камень Огмунда провозглашает это» (см. [Jacobsen 1933: 30–32]; [Мельникова: 279]; ср. [NIyR I: 133–176, № 62 (2)]). Если это чтение верно, то в нашем распоряжении оказывается образчик того, что камень может в традиции рунической письменности провозглашать от себя что-либо, причем идея эта выражена с помощью других грамматических средств, нежели на камне из Fugbu. К сожалению, надпись из Alstad’а сохранилась плохо, и любое ее прочтение остается не слишком надежным.

⁴³ См. [Olsen 1932: 170–173].

Однако, что все-таки породило определенную нестандартность этого текста, сохраняющуюся даже и после объяснений личной местоименной конструкции? Почему именно эти братья зафиксировали в поминальном тексте именно «голос камня»? Ремесленные надписи с употреблением формулы «меня сделал имярек» в позднейшую эпоху, вообще говоря, встречаются и на погребальных камнях. Можно упомянуть, например, ряд надписей с острова Готланд: надпись из Visby (XII–XIV вв.): «Родьяуд сделала меня для своего сына»⁴⁴; надпись на могильной плите в церкви Gammalgarns (XIII–XIV вв.) «Мастер Гевс сделал меня»⁴⁵, а также надпись на камне конца XIII в. – «Ботмунд, мастер из Съёнхейма, сделал меня»⁴⁶.

Однако все эти надписи выполнены гораздо позже, чем интересующий нас текст, в ту эпоху, когда ремесленные формулы были уже явлением чрезвычайно распространенным, и при этом в поминальных надписях они не подвергались никакой трансформации. Камень же из Fugby, по-видимому, являет собой один из первых случаев, когда у этой формулы появляется новая, нестандартная функция и, с другой стороны, ради реализации этой функции ей придана была совершенно особая форма, несовпадающая с ее общераспространенными вариантами. Все это требовало определенной изошренности приема от ее изготовителя. В чем же причины такой изошренности, откуда она у братьев Хастейна и Хольмстейна?

Как кажется, объяснение нужно искать в их именах, именно в том, что братья неким опосредованным и метафорическим образом все-таки могли считать камень членом своего рода. Как мы помним, все три присутствующие в надписи имени объединяются общим формантом *-stein*, т. е. «камень». Имена с элементом *stein* были вполне распространены по всей Скандинавии и, несомненно, с полным основанием могут рассматриваться как традиционные антропонимы, обладающие всеми законными функциями личных имен. При этом семантика основы *stein* в данном случае оставалась нестертой, нередактированной и вполне прозрачной. Для каждого жителя скандинавского полуострова было очевидно, что именно слово «камень» – это то, что объединяет имена отца и братьев.

⁴⁴ **ra?iau? : kiari : mik : fyrir : sui: sin** [Gotl.: № 351]; ср. [Sn? dal 1989: 99 ff.]; [Melfors: 66–67].

⁴⁵ **magistas : gefs : ger?i : mik** [Gotl.: № 115]; ср. [Melfors: 68].

⁴⁶ **botmundr maisteri : af siaunaim giar?i mik** [Gotl.: № 163]; ср. [Melfors: 68]. Ср. также могильную плиту в церкви Silte на Готланде (ок. 1200 г.): **[au?uatr] : ok : mik** «Аудват высек меня» [Gotl.: № 63]; ср. [Melfors: 68].

Таким образом, для этой семьи акт создания поминального камня мог семиотически быть несколько отличным от аналогичного акта у других людей, так как камень мог превращаться в своеобразный родовой символ. Хотелось бы подчеркнуть, что мы не говорим здесь о долгожительстве неких глубоко архаических обычаев и не пытаемся рассматривать камень как своего рода тотем. Для нас принципиально важно, что надпись выполнена младшими, а не старшими рунами, судя по всему, в XI в., а не в архаическую общескандинавскую эпоху. К этому времени виртуальное родство с камнем могло, конечно, существовать или осознаваться только в пространстве слов, имен и переосмысленных символов. В подобном свете данный семейный камень можно приравнять, скорее, к чему-то вроде ситуативного геральдического изображения, а не к родовому тотему.

Пытаясь реконструировать культурную ситуацию XI в., можно пойти еще дальше и вспомнить об искусстве братьев, которое специально подчеркивается в надписи. Они «самые сведущие, самые искусные в рунах во всем Мидгарде». Были ли они профессиональными резчиками по камню, передавалась ли эта профессия по наследству, связан ли элемент *stein* с их потомственным мастерством, все эти вопросы оставляют широкий простор для догадок. Отметим только, что если они были профессиональными резчиками рун, то это могло бы объяснить появление элементов или, точнее, реминисценции ремесленной формулы в сугубо поминальной надписи.

ЛИТЕРАТУРА

- Макаев – Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.
- Мельникова – Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации: Тексты, перевод, комментарий. М., 2001 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы.)
- Смирницкая – Смирницкая О. А. Что такое руническое предложение? // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. Вып. 2. М., 1990.
- Успенский – Успенский Ф. Б. Магическая речь объекта и способы манифестации авторства в текстах скандинавского Средневековья // Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2005.
- Antonsen 1968 – Antonsen E. H. [Рецензия на:] W. Krause, H. Jahnkuhn. Die Runeninschriften in alteren Futhark. Bd. I: Text – Bd. II: Tafeln. Göttingen, 1966. (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, philologisch-historische Klasse, dritte Folge, bd. 65.) // Language. 1968. Vol. 44.
- Antonsen 1980 – Antonsen E. H. On the typology of the Older Runic inscriptions // Scandinavian Studies. 1980. Vol. 52. № 1.

- Bugge – *Bugge S.* Norges Indskrifter med de ?ldre runer. Christiania, 1891. Bnd. I.
- Brate 1919 – *Brate E.* [Рецензия на:] von Friesen 1916 // Arkiv for nordisk filologi. 1919. Bnd. 35.
- Brate 1922 – *Brate E.* Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1922.
- B?ksted – *B?ksted A.* Stenmagle-?sken og guldhorns -indskriften // Danske Studier. 1947–1947. Bd. 43. Fjerde R?kke. Bd. 7.
- DR – Danmarks runeindskrifter / L. Jacobsen og E. Moltke under medvirkning af A. B?ksted og K. M. Nielsen. K?benhavn, 1941–1942. Bd. 1–2.
- Duwel 1983 – *Duwel K.* Runenkunde. 2 Aufl. Stuttgart, 1983.
- Duwel 1992 – *Duwel K.* Zur Auswertung der Brakteateninschriften. Runenkenntnis und Runeninschriften als Oberschichten-Merkmale // Der historische Horizont der Gotterbild-Amulette aus der Uberegangsepoche von der Spatantike zum Fruhmittelalter / Hrsg. von K. Hauck. Cottingen, 1992.
- Elqvist – *Elqvist E.* Studier rorande Njordkultens spridning. Lund, 1952.
- Feist – *Feist S.* Runen und Zauberwesen im germanischen Altertum // Arkiv for nordisk filologi. 1919. Bd. 35.
- von Friesen 1916 – *O. von Friesen.* Lister- och Listerby-stenarna i Blekinge. Uppsala, 1916.
- von Friesen 1928 – *O. von Friesen.* Runorna i Sverige: en kortfattad oversikt. Uppsala, 1928.
- Gotl. – Gotlands runinskrifter granskade och tolkade av Sven B. F. Jansson, E. Wessen, E. Svardstrom. H. 1–2. Stockholm, 1962–1978. (SR. Bd. 11–12.).
- Gronvik – *Gronvik O.* Fra Agedal til Setre: Sentrale runeinnskrifter fra det 6. arhundre. Oslo; Bergen; Stavanger; Tromso, 1987.
- Hultgard – *Hultgard A.* Runeninschriften und Runendenkmaler als Quellen der Religionsgeschichte // Runeninschriften als Quellen interdisziplinarer Forschung / Hrsg. von K. Duwel. Berlin; New York, 1998. (Erganzungsbande zur Reallexikon der germanischen Altertumskunde. Bd. 15.)
- Host – *Host G.* Runer. Vare eldste norske runeinnskrifter. Oslo, 1976.
- Jacobsen 1933 – *Jacobsen L.* Evje-Stenen og Alstad-stenen // Norske Oldfunn. 1933. Bd. VI.
- Jacobsen 1935 – *Jacobsen L.* Forbandelsesformularer i nordiske Runeindskrifter. Stockholm, 1935. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Del 39. H. 4.)
- Jacobsen 1940 – *Jacobsen L.* Jeg-Formlen // Aarboger for nordisk oldkyndighed og historie. 1940.
- Jansson – *Jansson S. B. F.* Upplandska, smalandska och sormlandska runstensfynd // Fornvannen. 1954. Arg. 49.
- Kock – *Kock A.* Till tolkningen av urnordiska runinskrifter // Arkiv for nordisk filologi. 1921. Bd. 37.
- Krause – *Krause W.* Runeninschriften im alteren Futhark. Halle, 1937.

- Lindquist – *Lindquist I.* Galdrar: De gamla germanska trollsangernas stil undersökt i samband med en svensk runinskrift från folkvandringstiden. Göteborg, 1923.
- Lindroth – *Lindroth H.* Till den urnordiska inskriften på Stentoftens-stenen // Studier tillägnade Esaias Tegner den 13 januari 1918. Lund, 1918.
- Marstrander – *Marstrander C. J. S.* Vettelandsstenen // Stavanger Museums Arbok. 1946.
- Melfors – *Melfors E.* Gotlandska runmastare // Runor och namn. Hyllningskrift till Lena Peterson den 27 januari 1999 / Redigerad av L. Elmevik & S. Strandberg. Uppsala, 1999.
- Moltke 1936 – *Moltke E.* Runologiske Meddelelser // Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. 1936.
- Moltke 1947 – *Moltke E.* Hvad var l'g?st , guldhornets mester, magiker, pr?st eller guldsmed? // Fornvannen. 1947. Arg. 42.
- Nielsen – *Nielsen N. A.* Runestudier. Odense, 1968.
- NiYR – Norges innskrifter med de yngre runer / M. Olsen med hjelp i forarbeider av S. Bugge. Bd. I–V. Oslo, 1941–1960.
- Ni?R – *Bugge S. M. Olsen.* Norges Indskrifter med de ?ldre Runer. Bnd. 1–4. Christiania, 1891–1924.
- Olsen 1932 – *Olsen M.* Runar er ristu rynnastir menn // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. 1932. Bd. 5.
- Olsen 1933 – *Olsen M.* De norrøne runeinnskrifter. Stockholm, 1933. (Nordisk Kultur: Runorna. Bd. VI.).
- Santesson – *Santesson L.* En blekingsk blotinskrift: En nytolkning av inledningsraderna på Stentoftensstenen // Fornvannen. 1989. Bd. 84.
- Save – *Save C.* Gutniska Urkunder: Guta lag, Guta saga och Gotlands runinskrifter språklig behandlade. Stockholm, 1859.
- Sn?dal 1989 – *?orgunnur Sn?dal .* Rodiaud gjorde mig – en kvinnlig runristare på Gotland // Gotlandsk arkiv. 1989.
- Sn?dal 2002 – *?orgunnur Sn?dal .* From Rok to Skagafjor?ur: Icelandic runes and their connection with the Scandinavian runes of the Viking period // Scripta Islandica. 2002. Vol. 53.
- SR – Sveriges runinskrifter, utgivna av Kung. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm, 1900-. Bd. I. ff.
- Stephens – *Stephens G.* The Old-Northern Runic Monuments of Scandinavia and England. London; Copenhagen. 1866. Vol. 1.

SUMMARY

In the first half of the 11th century in the Swedish region Södermanland a stone of a man's height was erected. A poetic inscription carved on it by younger runes, on the one hand, was much like commemorative runic inscriptions of that time, however, on the other hand, it was different from them in one very important detail.

As the numerous runic monuments of the Viking Age, the stone in Fyrby was set in the memory of a deceased by his close relatives. In that

time the Scandinavians in the name given to the off-spring frequently reproduced one of the stems of a two-stem name of an ancestor (grandfather, great-grandfather, father or mother). It was for this reason that the names of the relatives carved on this stone contained a certain common, repeated element – *Freysteín* (father), brothers *Hasteín* and *Holmsteín* (his sons).

Besides, in the majority of the commemorative inscriptions written with younger runes there was no first person pronoun, the author of the inscription was traditionally named in the third person. Contrastingly, on the stone in question the first person pronoun (*ek*) is present: *ek veit Hasteín, // ?a Holmsteín br??r // menn rýnasta // a Mi?gar?i; // settu steín // ok stafí marga // eptir Freysteín, // fo?ur sinn*. Apparently, this peculiarity is connected with the personage, who was the author of the inscription in Fyrby. Whose direct speech was carved there and why the author had right to make the commemorative speech in honour of *Freysteín*?